

Т е м а н о м е р а : О б р а з о в а н и е и м о л о д ё ж ь в Р о с с и и

Движение от традиционных семейных норм к современным: сравнение России и Франции

Магун Владимир Самуилович – кандидат психологических наук, заведующий сектором исследований личности Института социологии РАН

e-mail: maghome@yandex.ru

Движение от традиционных семейных норм к современным: сравнение России и Франции

Аннотация

В статье показано, что заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошёл в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции. Автор выясняет, почему во Франции приобретение образования делает нормы человека более современными и либеральными. Тогда как в России в рамках всей выборки эти влияния выражены слабо, а в группах россиян в возрасте 40–50 лет отмечена тенденция, противоположная французской: с повышением уровня образования усиливается традиционализм (и ослабляется инновационность) социальных норм супружества и родительства.

Abstract

The article shows a significant shift in the family and parental norms took place in Russia 20 years later than in France. The author explains why in France education makes norms more modern and liberal and in Russia educational attainment does not have any significant impact. The groups of Russians aged 40-50 show a tendency that is at variance with the French one: the higher the level of education, the more traditionalist is the group and weaker its innovation in family and parental behavior.

Ключевые слова: социальные нормы, супружество, родительство, социализация, культурные влияния, образование

Keywords: social norms, family, parenting, socialization, cultural effects, education

Введение

В российской научной литературе и в общественных дискуссиях активно обсуждается вопрос о путях дальнейшей модернизации российского общества и одно из её направлений – это модернизация семьи и частной жизни людей.

Нуклеаризация семьи и изменение её функций, фундаментальные изменения в детской смертности и рождаемости, индивидуализация образа жизни людей, – все эти процессы, разворачивающиеся в России и в мире в рамках демографической модернизации (см.: [1]), связаны с появлением новых стереотипов поведения и новых социальных норм.

Систематических репрезентативных исследований взглядов людей на должное семейное поведение и семейное «устройство» российской жизни крайне мало. Благодаря международному исследованию «Поколения и гендер» появилась возможность описать и проанализировать нормативные представления сегодняшних россиян о супружестве и родительстве – двух важнейших составляющих социального института семьи. В странах Западной Европы упомянутые изменения начались раньше, а Россия развивается по той же траектории, но с некоторым отставанием. Поэтому межстрановые сопоставления могут показать тенденцию будущего развития института семьи в нашей стране.

Настоящая статья¹ посвящена сравнению нормативных высказываний о супружестве и родительстве и их детерминант в России и Франции. Данные по выборкам, репрезентирующим население этих стран, собраны в России в 2004 г., а во Франции – в 2005 г.² Объем российской выборки – 11 254 человека, французской – 10 079 человек³.

Высказывания, включённые в анкету проекта «Поколения и гендер», формулировались с учётом тех изменений, которые отмечают исследователями демографиче-

¹ Автор признателен С.В. Захарову, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской, В.Е. Гимпельсону, Е.Б. Головлианициной, Е.Ю. Рождественской и М.Г. Рудневу за ценные советы и помощь.

² Российский опрос «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» в рамках международной программы «Поколения и гендер» был проведён в 2004 г. Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного Общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия) (см.: [2]). Французский опрос в рамках программы «Поколения и гендер» – «Etude des relations familiales et intergénérationnelles-ERFI» («Изучение семейных и межпоколенных отношений» – URL: <http://www-erfi.ined.fr>) – был проведён Национальным институтом демографических исследований (INED) и Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE) в 2005 г.

³ Подробнее особенности выборки и методология исследования описаны в статье (см.: [3]).

ской модернизации в качестве ключевых для характеристики первого и второго демографических переходов (см.: [1]). Речь идёт о размывании социального института брака и распространении новых форм легитимного партнёрства – таких как сожителства; о выдвигании в центр семейной жизни отношений любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи; о формировании в связи с этим терпимого отношения к разводам; о прогрессе в сфере равноправия женщин, мужчин, представителей сексуальных меньшинств. Смысл всех этих изменений – в снятии существовавших в традиционном институте брака ограничений, в расширении возможностей личного выбора, в движении к равновысокой социальной ценности и социальному достоинству всех членов общества. В более широком плане, по мнению американских исследователей А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко, имеется в виду дальнейшее и более последовательное воплощение в жизнь выдвинутых Просвещением идеалов свободы, равенства и терпимости (см.: [4]).

В российскую и французскую анкеты проекта «Поколения и гендер» всего было включено 13 нормативных суждений, которые можно условно сгруппировать в 4 категории.

Суждения о социальном оформлении супружеских отношений в форме брака: «Брак – это устаревший вид отношений» (1), «Это нормально, когда неженатая пара живёт вместе, даже если они не планируют пожениться» (2).

Суждения о финише супружеской жизни, оформленной в виде брака: «Брак – это отношения на всю жизнь, их никогда не следует разрывать» (3), «Если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети» (4).

Суждения о родительстве: «Для полной самореализации у женщины должны быть дети» (5), «Для полной самореализации у мужчины должны быть дети» (6), «Чтобы ребёнок рос счастливым, ему нужен дом, где есть и отец, и мать» (7), «Женщина вполне может родить ребёнка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной» (8), «В 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно» (9).

Суждения о правах «социально слабых»: «У однополых пар должны быть те же права, что и у пар разного пола» (10), «Для пары лучше, когда мужчина старше женщины» (11), «Если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях» (12), «В случае развода для ребёнка лучше остаться с матерью, чем с отцом» (13) (в ситуации, на разрешение которой направлена последняя норма, слабой стороной выступают как раз мужчины).

В отношении каждого из перечисленных выше суждений респондента просили высказать своё согласие или не согласие по шкале: полностью согласен (балл 1), согласен (балл 2), и да, и нет (балл 3), не согласен (балл 4), совсем не согласен (балл 5).

По всем нормативным суждениям средние величины степени согласия в России и Франции статистически значимо различаются (при $p < 0,05$ или при более строгом критерии значимости). В большинстве случаев (по 9 суждениям из 13) направление этих отличий указывает на больший нормативный традиционализм российских респондентов в сравнении с французскими.

Степень согласия россиян и французов с нормативными суждениями, касающимися супружества и родительства

По всем нормативным суждениям средние величины степени согласия в России и Франции статистически значимо различаются (при $p < 0,05$ или при более строгом критерии значимости). В большинстве случаев (по 9 суждениям из 13) направление этих отличий указывает на больший нормативный традиционализм российских респондентов в сравнении с французскими. По четырём оставшимся суждениям средний россиянин настроен более современно, нежели средний француз, но в трёх случаях эти различия между средними очень малы. Вывод о большем традиционализме россиян вряд ли вызывает удивление, поскольку он согласуется с более общими представлениями о том, что по отношению к Франции и другим странам Запада демографическая модернизация в России носит запаздывающий характер (см.: [5]).

В то же время, если опираться на грубые показатели нормативного сознания жителей двух стран – преобладание в их ответах долей согласных (ответы «полностью согласен» и «согласен») или не согласных (ответы «не согласен» и «совсем не согласен») с тем или иным суждением, то приходим к выводу о сходстве общей структуры отношения россиян и французов к большинству рассматриваемых социальных норм.

Перечислим те нормативные суждения, по которым есть сходство в преобладании поддержки или отвержения. Так, и у россиян, и у французов преобладает позиция в поддержку брака как социального института (суждение 1), и в то же время согласие с нормой, разрешающей сожительства (суждение 2). В отношении развода у россиян и французов также преобладают одинаковые позиции: они чаще согласны, чем не согласны, с суждением о том, что брак – это отношения на всю жизнь, которые никогда не следует разрывать (суждение 3), и в то же время подавляющее большинство в каждой стране соглашается с тем, что если пара несчастлива, то развод допустим (суждение 4). Точно также совпадает в обеих странах и преобладающая позиция в отношении всех пяти нормативных суждений, касающихся родительства (суждения с 5 по 9-ое). Так, в обеих странах доля согласных перевешивает процент не согласных с тем, что для полной самореализации и у женщины, и у мужчины должны быть дети, что женщина вполне может родить ребёнка даже в том случае, если не планирует вступать в постоянные отношения с мужчиной, и что в 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно. А в том, что ребёнку, чтобы он рос счастливым, нужен дом, где

Если опираться на грубые показатели нормативного сознания жителей двух стран – преобладание в их ответах долей согласных (ответы «полностью согласен» и «согласен») или не согласных (ответы «не согласен» и «совсем не согласен») с тем или иным суждением, то приходим к выводу о сходстве общей структуры отношения россиян и французов к большинству рассматриваемых социальных норм.

есть отец и мать, убеждены вообще почти все респонденты в обеих странах. Что касается прав «социально слабых», то здесь преобладающая позиция россиян и французов совпадает только в том случае, когда речь идёт о соотношении заработков мужчины и женщины (суждение 12). И россияне, и французы чаще не считают плохой для отношений между партнёрами ситуацию, когда женщина зарабатывает больше мужчины¹, хотя во Франции перевес большинства над меньшинством выражен гораздо сильнее.

Как видим, в преобладающих взглядах россиян и французов (в той части, где балансы поддержки и отвержения этих взглядов в обеих странах совпадают) противоречиво сочетаются традиционные и современные (инновационные) позиции. Так, и россияне, и французы, в целом, не считают, что брак – это устаревший вид отношений, но, тем не менее, считают нормальным, что неженатая (т. е. не состоящая в браке) пара живёт вместе, «даже если они не планируют пожениться».

Похожее противоречие имеется и в паре суждений, касающихся возможности завершения брака. Здесь, с одной стороны, большинство согласно с традиционным убеждением, что «брак никогда не следует разрывать», но в то же время почти 80% респондентов в каждой из стран считают, что развод вполне допустим – даже если в семье есть дети (здесь добавлена конкретизирующая оговорка – «при условии, что пара несчастлива в браке»).

Оба упомянутых противоречия возникают по одной и той же схеме: люди поддерживают традиционную (или отвергают нетрадиционную) норму, но в то же время выражают толерантное отношение к современным («либеральным») отклонениям от этой нормы.

Другой вид противоречия имеет место между согласием респондентов с более современной позицией, заключающейся в том, что женщина вполне может родить ребёнка, даже если не планирует вступать в постоянные отношения с мужчиной, и их же убеждённостью в том, что ребёнку, чтобы он рос счастливым, нужен дом, где есть отец и мать. В этом случае мы сталкиваемся с противоречием не между нормой и допустимыми отклонениями от неё, а между нормами, утверждающими права различных субъектов. Респонденты, возможно осознавая, что права женщины и ребёнка находятся в конфликте, всё же не отказывают в этих правах ни одной из сторон.

По трём суждениям балансы согласных и не согласных в России и Франции качественно различаются, и во всех этих случаях – а они касаются прав «социально слабых» – россияне занимают более традиционные позиции. Большинство россиян не согласно с предоставлением однополым парам тех же прав, что и парам разного пола, в то время как во Франции доли согласных и не согласных с этим примерно равны (суждение 10).

¹ В отношении россиян этот вывод подтверждается проведённым в 2007 г. исследованием Фонда «Общественное мнение» (см.: [6, с. 30]).

В преобладающих взглядах россиян и французов (в той части, где балансы поддержки и отвержения этих взглядов в обеих странах совпадают) противоречиво сочетаются традиционные и современные (инновационные) позиции.

По трём суждениям балансы согласных и не согласных в России и Франции качественно различаются, и во всех этих случаях – а они касаются прав «социально слабых» – россияне занимают более традиционные позиции.

Большинство россиян считают также, что для пары лучше, когда мужчина старше женщины, в то время как во Франции доля не согласных с этим выше доли согласных (суждение 11). И, наконец, значительное большинство россиян полагает, что ребёнку после развода лучше оставаться с матерью, чем с отцом (62% «согласных» против 9% «не согласных»), в то время как во Франции доли придерживающихся разных мнений по этому вопросу примерно равны (31% против 28%).

Влияние факторов социализации на индекс традиционализма-инновационности нормативного сознания

Статистические сопоставления показали, что ответы респондентов на перечисленные выше вопросы анкеты взаимосвязаны, и это значит, что если человек в современном духе реагирует на одно из предложенных нормативных суждений, то скорее всего он аналогичноотреагирует и на большинство остальных. Точно также, если респондент занимает традиционалистскую позицию по одному из вопросов, то он, вероятнее всего, будет традиционалистом и в ответе на другие вопросы о семейных нормах.

Благодаря этим взаимосвязям оказалось возможным рассчитать для наших респондентов индекс традиционализма-инновационности нормативного сознания¹, который, в первом приближении, представляет собой сумму ответов каждого респондента по всем включённым в исследование нормативным высказываниям. Именно с его помощью было изучено влияние интересующих нас факторов социализации на нормативное сознание людей.

Нас будет интересовать влияние на разделяемые людьми нормы со стороны их возрастных и образовательных характеристик, но особенность исследования этих влияний в том, что мы проводим их при контроле за рядом других существенных характеристик – таких как пол, место жительства, род занятий и др., благодаря чему получаем информацию о влиянии интересующих нас переменных при прочих равных условиях, т. е. выясняем их «чистые» влияния².

Как и предполагалось, респонденты среднего и старшего возраста сильнее, чем самые молодые, склонны к выражению традиционных норм. Но выяснилось, что подобные различия в России наступают раньше, а во Франции – на 20 лет позже: в России впервые эти отличия от самой молодой возрастной группы появляются в 40–49 лет и затем сохраняются у лиц более старших возрастов, а во Франции эти отличия проявляются только у тех, кому перевалило за 60.

¹ Подробнее о структуре индекса см.: [3].

² Исследование этих влияний осуществлено с помощью множественного регрессионного анализа.

Респонденты среднего и старшего возраста сильнее, чем самые молодые, склонны к выражению традиционных норм. Но выяснилось, что подобные различия в России наступают раньше, а во Франции – на 20 лет позже: в России впервые эти отличия от самой молодой возрастной группы появляются в 40–49 лет и затем сохраняются у лиц более старших возрастов, а во Франции эти отличия проявляются только у тех, кому перевалило за 60.

Причина этого в том, что в данном случае возрастные отличия отражают сдвиги в нормативном сознании между разными поколениями респондентов. В России подобные сдвиги затронули поколения тех, кому сейчас 40 лет или меньше, а во Франции они, судя по приведённым данным, наступили на 20 лет раньше, и поэтому от нынешней молодёжи там заметно отличаются только те, кому на момент опроса было 60 лет или больше.

Это, в свою очередь, является следствием разного времени наступления резких культурных сдвигов (их называют «культурными революциями»): во Франции они датируются второй половиной 1960-х, и их символом является революция 1968 г., а в России – второй половиной 1980-х – началом 1990-х гг., и их символом является августовская революция 1991 г. Данные сдвиги случились в то время, когда французским 60-летним и российским 40-летним респондентам было около 20 лет, и эти люди находились именно на том этапе жизненного пути, когда, по мнению ряда исследователей, происходит наиболее интенсивное формирование ценностно-нормативного сознания (см.: [7]).

Что касается фактора образования, то во французской выборке направление его влияния соответствует ожиданиям: с ростом уровня образованности респондентов усиливается отход от традиционных норм супружества и родительства в сторону более современных. Причем эта закономерность действует очень устойчиво: каждая из пяти более высоких градаций статистически значимо отличается от низшей образовательной градации, и величины коэффициентов очень заметны. В России картина влияния образования гораздо более бедная: все коэффициенты очень низкие, и статистически значимы только два из них, характеризующие влияние двух достаточно низких уровней образования – общего среднего и начального профессионального¹. Таким образом, получается, что большинство ступеней российской системы образования не оказывает / не оказывало какого-то определённого влияния на содержание разделяемых учащимися норм демографического поведения, да и те влияния, которые есть, – очень слабы.

Как истолковать этот неожиданный результат? Мы полагаем, что из него не следует, что образование не влияло на нормативные взгляды каждого россиянина в отдельности. Причина низких связей, скорее всего, в том, что взятые вместе – в масштабах всего общества и на протяжении всего периода воздействия на наших респондентов – эти влияния не укладываются в какую-то одну тенденцию и часто взаимно погашают друг друга. Как мы только что отмечали, культурный сдвиг начался в России заметно позже, чем во Франции (напомним, что, судя по упомянутому выше данным о влиянии

¹ Наличие у человека любого из этих уровней образования (в сравнении с начальным или более низким образованием) несколько повышает его склонность придерживаться инновационных норм в отношении родительства и супружества.

Во французской выборке с ростом уровня образованности респондентов усиливается отход от традиционных норм супружества и родительства в сторону более современных.

Большинство ступеней российской системы образования не оказывает / не оказывало какого-то определённого влияния на содержание разделяемых учащимися норм демографического поведения, да и те влияния, которые есть, – очень слабы.

возраста, в России этот сдвиг затронул только лиц моложе 40 лет, в то время как во Франции – всех моложе 60), и потому гетерогенность образования, полученного разными поколениями, в России выше, чем во Франции. Иными словами, разные поколения российских респондентов посещали учебные заведения, прививающие им существенно различающиеся по направленности социальные нормы (в т. ч. нормы супружества и родительства). Кроме того, даже те нормативные сдвиги, которые уже совершились в рамках других, опережающих, подсистем российского общества, проникают в образовательную систему медленно, формируя её неоднородность не только во времени, но и пространстве.

С целью проверки этих предположений мы разделили российскую выборку на несколько частей в зависимости от возраста респондентов, полагая, что внутри одного и того же поколения социализационные воздействия со стороны образования были относительно однородны. И действительно, оказалось, что если регрессионные уравнения, с помощью которых мы определяем силу влияния образования, рассчитать отдельно для поколения тех, кому сейчас 40–49 и 50–59 лет, то влияния почти всех уровней образования оказываются статистически значимы! (Особенно они заметны в группе 40–49-летних.) Таким образом, предположение о том, что образование, полученное российскими респондентами приблизительно в один и тот же исторический период, должно более определённо влиять на зависимую переменную, подтвердилось.

При этом любопытно, что направление образовательных воздействий оказалось противоположным тому, что наблюдается во Франции: в России приобретение образования любой ступени сдвигало социальные нормы не в либеральную, а в консервативную, традиционалистскую сторону. Отсюда можно заключить, что образование всех уровней, полученное в советское послевоенное время, но до наступления культурного сдвига второй половины 1980-х гг. (именно в этот период получали образование те респонденты, кому на момент опроса в 2004 г. было от 40 до 60 лет), смещало нормативное сознание россиян в сторону традиционализма. Это, в целом, согласуется с характеристикой советского образования как тиражирующего жёстко дисциплинирующие образцы поведения, которые, собственно, и составляют смысл «традиционализма» в рассматриваемой нами сфере.

Выводы

Исследование показало, что заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошёл в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции. В России им затронуты только поколения тех, кому на момент опроса

Те нормативные сдвиги, которые уже совершились в рамках других, опережающих, подсистем российского общества, проникают в образовательную систему медленно, формируя её неоднородность не только во времени, но и пространстве.

Образование всех уровней, полученное в советское послевоенное время, но до наступления культурного сдвига второй половины 1980-х гг. (именно в этот период получали образование те респонденты, кому на момент опроса в 2004 г. было от 40 до 60 лет), смещало нормативное сознание россиян в сторону традиционализма.

было меньше 40 лет, а во Франции – все, кому на момент опроса было меньше 60-ти. Таким образом, сознание большинства поколений сегодняшних французов несёт отпечаток культурного сдвига второй половины 1960-х гг., символом которого является революция 1968 г. Сознание же более молодых поколений сегодняшних россиян сформировалось под влиянием культурного сдвига второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., символом которого является августовская революция 1991 г.

Влияние образования на нормативные взгляды людей во Франции выражено вполне определённо: приобретение образования любой ступени делает нормы человека более современными и либеральными. В России в рамках всей выборки соответствующие влияния оказались выражены слабо. Это, возможно, объясняется большей, чем в России, стабильностью французской культуры и общества на протяжении жизни тех поколений, которые представлены в данном исследовании. Данная стабильность является, по сути, следствием более ранней даты нормативно-культурного сдвига во Франции, а её результатом, в свою очередь, оказывается бóльшая однозначность содержания, стоящего за каждым из образовательных показателей.

Разделение российской выборки на поколенческие подмассивы позволило обнаружить гораздо более заметные влияния уровня образования респондентов. Выяснилось, что в возрастных группах 40–49-летних и 50–59-летних влияния почти всех уровней образования статистически значимы и заметны. Неожиданным оказалось направление этих влияний: все они указывают на то, что в этих двух возрастных группах с повышением уровня образования усиливается традиционализм (и ослабляется инновационность) разделяемых россиянами социальных норм супружества и родительства.

Библиографический список

1. Вишневский А.Г., Захаров С.В., Иванова Е.И. Обновление семьи и брака // Демографическая модернизация в России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2005.
2. Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В. Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1. – М.: Независимый институт социальной политики, 2007.

3. Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / Под ред. Т.М. Малевой и О.В. Синявской. – М.: Независимый институт социальной политики, 2009.
4. Thornton, A.; Young-DeMarco, L. Four Decades of Trends in Attitudes toward Family Issues in the United States: The 1960s through the 1990s // Journal of Marriage and Family. Vol. 63, November 2001, pp. 1009–1037.
5. Вишневский А.Г. Введение // Демографическая модернизация в России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2005.
6. Вовк Е. «Муж-добытчик» и «жена-хозяйка»: традиционные семейные роли в нормах и практиках // Социальная реальность. 2007, № 5.
7. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. – Princeton: Princeton University Press, 1997.